

ДОЛИНСКАЯ АНЖЕЛИКА

18+

Рождественский Филем

«Я не верю в чудесное — это было бы слишком просто...»

Анжелика Игоревна Долинская

Рождественский билет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73037408

ISBN 9785006888074

Аннотация

Каждое Рождество Эрика старается просто пережить. Когда-то в детстве этот праздник забрал у неё веру в обещания и человека, который был её первым другом и первой любовью. С тех пор Эрика выбирает стабильность: надёжного партнёра и заранее спланированное будущее. Но одна случайная встреча рушит выстроенное равновесие. Тот, кто исчез много лет назад, возвращается со своей правдой, болью и вопросами. Прошрое требует объяснений. Настоящее – выбора. А Рождество снова подкрадывается слишком близко.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рождественский билет

**Анжелика Игоревна
Долинская**

© Анжелика Игоревна Долинская, 2025

ISBN 978-5-0068-8807-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Снег падал за окном тихо и неспешно, словно боялся нарушить хрупкое спокойствие декабрьского вечера. Эрика стояла на кухне, наблюдая, как белые хлопья тают на темном стекле. В руке она держала кружку с уже остывшим чаем. Аромат бергамота висел в воздухе, смешиваясь с запахом воска от свечи, которую Марк зажег, едва переступив порог.

– Ты даже гирлянду не повесила, – сказал он, входя в кухню и поправляя манжет рубашки. – Улицы сверкают, а у нас тут... монастырская келья.

Он сказал это без упрека, лишь с легкой долей недоумения. Марк всегда предпочитал порядок, поэтому отсутствие праздничных украшений казалось ему досадным упущением.

– Мне и так хорошо, – ответила Эрика, отворачиваясь от окна. – Тишина. Тепло. Не надо никуда спешить.

Он подошел и обнял ее за плечи, притянув к себе. Запах его древесного парфюма был знакомым и безопасным, как стены этой квартиры, которую они снимали уже второй год.

– Я думал, может, рвануть на недельку в Альпы, – произнес он, и губы коснулись ее виска. – Снег, камин, шампанское. Развеемся. Ты так много работаешь, учишься... Заслужила.

Слово «развеемся» неловко повисло между ними. Оно

было таким же легким и воздушным, каким Марк, вероятно, его и задумывал, но для Эрики оно обернулось холодным комом в самой глубине желудка.

Рождество. Альпы. Идеальная открытка с заснеженными пиками, искрящимся на солнце склоном и двумя силуэтами у камина. Марк видел именно эту картинку. Он предлагал ей глянец, отлаженный восторг, безупречный отдых от самой себя.

А у нее перед внутренним взором, словно на старых, затертых киноплёнках, замелькала другая вереница событий. Не пейзажи, а даты. Жестокие, отмеченные в календаре ее памяти жирным черным крестом. Каждое 25 декабря.

Пятнадцать лет. Лед на тротуаре, припорошенный первым снежком, такой обманчиво невинный. Нелепый пах, отчаянный взмах руками, хруст, от которого внутри все обрывается и становится тихо-тихо. Потом – гипс, тупая, ноющая боль, запах больницы вместо мандаринов и елки, и мамин голос, старающийся подбодрить: «Ничего, дочка, в следующем году наверстаем!»

Восемнадцать. Первая серьезная подработка, первая собственная, честно накопленная сумма на подарки родным. Крошечная бархатная сумочка, купленная специально для этого вечера. Толчея на рождественском базаре, восторг, предвкушение. А потом – легкий, почти неощутимый толчок в спину, мелькнувшая тень, и... пустота. Глухая, унижительная пустота на месте замши и кошелька. Чувство не столько

злости, сколько полной беззащитности перед лицом праздника, который у всех остальных был таким ярким.

Двадцать один. Первая зимняя сессия в университете, вымотанность до предела. Мысль: «Просто нужно дотянуть до праздников, и тогда...». А «тогда» обернулось температурой под сорок, дикой ломотой в костях и полной изоляцией в съемной комнатке, пока за стеной слышались смех и музыка соседей. Она лежала, глядя на потрескавшуюся штукатурку на потолке, и думала, что, кажется, понимает древних – они ведь тоже придумали праздник света в самую темную пору года, просто чтобы было ради чего терпеть эту тьму.

Со временем она выработала иммунитет. Не к вирусам – от гриппа она прививалась исправно. Иммунитет к самой надежде. К этому сладкому предвкушению чуда, которое, как оказалось, было лишь яркой упаковкой для разочарования. Она научилась относиться к Рождеству как к сложной, но неизбежной дате в календаре, вроде дня уплаты налогов. Его нужно просто пережить. Без ожиданий и без суеты.

Чудеса были для других – для тех, кому везло, у кого не ломались кости, не воровали кошельки, не поднималась температура ровно в полночь. Она же просто отсиживалась в своей раковине, пережидая этот шумный, опасный для нее сезон, когда сама вселенная, казалось, играла с ней в злые шутки. И предложение Марка «развеемся» было не спасением, а приглашением выйти на арену, где она уже слишком много раз падала.

– Я не люблю суеты, Марк, ты же знаешь, – сказала она тихо, высвобождаясь из его объятий, чтобы долить в чайник воды. – Давай лучше дома. Пригласим Софию с Дэном, может, кого-то еще... Поужинаем, посмотрим кино...

Он вздохнул, но кивнул в знак одобрения. Он всегда в конце концов кивал. Их отношения строились на этом разумном компромиссе, на умении уступать в мелочах, чтобы сохранить главное – устойчивость, комфорт и предсказуемость. Иногда ей казалось, что они живут в прекрасно отлаженном механизме, где каждый винтик на своем месте. Тишина в этом механизме изредка становилась слишком громкой.

– Как скажешь, – согласился он. – Дома так дома. Как и предыдущие два года... Я закажу у Габриэля того самого гуся с яблоками, ты же его обожаешь.

Он улыбнулся, и Эрика почувствовала прилив нежности, смешанной с чувством вины. Он старался. Он был хорошим человеком, надежным, как швейцарские часы. Почему же тогда где-то на дне души шевелилось это странное, неопределенное чувство – тихая уверенность, что она слушает далекую музыку, которую он не слышит.

Через час, когда Марк углубился в рабочие отчеты, а в квартире воцарилась привычная тишина, зазвонил телефон. София. Ее голос в трубке был как глоток шампанского – игривый, немедленно наполняющий пространство.

– Итак, мисс Гринч, – начала она без предисловий. – Каков план спасения от праздничной депрессии в этом году?

Эрика прижала трубку к уху, устроившись на подоконнике в гостиной.

– Марк хотел в Альпы. Я предложила остаться. Будем есть гуся и делать вид, что не слышим рождественских гимнов из каждого утюга.

– Гусь – это серьезно, – оценила София. – А насчет гимнов... Знаешь, можно включить что-то свое. Например, The Clash. На полную громкость.

Они засмеялись. Потом пауза стала немного затянутой.

– А если серьезно? – спросила София, понизив голос. – С Марком все в порядке?

– Все прекрасно, – слишком быстро ответила Эрика. И, помедлив, добавила, глядя на темный квадрат окна, в котором отражалась ее собственная тень. – Просто... Ты когда-нибудь задумывалась, Софи, что такое любовь без... безумия? Без этого чувства, что земля уходит из-под ног?

– Ты имеешь в виду любовь без истерик, скандалов и неопределенности? – уточнила подруга. – Звучит как превосходный план, дорогая. Безумие переоценено. Оно хорошо в книгах, а в жизни от него только устаешь.

– Да, наверное, – прошептала Эрика. Но мысль ее упрямо цеплялась за другое. За воспоминание о чувстве, которое не было спокойным. Оно было как первый снег – неожиданным, обещающим целый мир чудес. И таким же хрупким,

способным растаять, не оставив ничего, кроме сырости и пустоты.

– Эрика, ты там?

– Я здесь. Просто задумалась. Спасибо, Соф.

– Всегда пожалуйста. И слушай, если этот гусь окажется недостаточно безумным, у меня есть номер отличного психолога.

Они попрощались. Эрика опустила телефон на колени. В квартире было тихо. Марк в кабинете печатал что-то на клавиатуре. За окном снег продолжал падать, застилая город мягким покрывалом. Она закрыла глаза.

И тогда, сквозь шум современного вечера, до нее донесся отголосок другого снегопада. Давнего. Детского.

Тот снег был другим – крупным, липким, идеальным для снежков и крепостей. Двенадцатилетняя Эрика, укутанная в розовую пуховую куртку, похожую на кочан капусты, деловито утрамбовывала ладонями стену. Ее щеки горели, дыхание превращалось в белые облачка.

– Здесь нужно выше! – командовал Том, его рыжие волосы торчали из-под шапки ушанки, как огненные язычки. – Иначе они прорвут оборону!

«Они» – это были воображаемые враги, целая армия снежных троллей. Том всегда придумывал такие истории. Он мог превратить обычную лужу в океан, а старый дуб на окраине парка – в башню заколдованного замка. Для Эри-

ки мир с Томом был больше, ярче, насыщеннее обычного. В нем было место чуду.

– Держи! – Он протянул ей что-то, зажатое в варежке.

Это было ожерелье – грубовато нанизанные на прочную нить засушенные ягоды рябины, словно капли крови, и маленькая, идеально симметричная сосновая шишка посередине.

– Это амулет, – серьезно сказал он. – Защищает от троллей. И от всего плохого вообще.

Она приняла подарок, ощутив под слоем ткани шершавую поверхность шишки.

Сердце ее колотилось не от игры, а от чего-то иного, важного и пока неизвестного ей.

– А завтра, – прошептал Том, и его глаза цвета мокрой хвои в этот момент заблестели, – завтра, когда будут дарить настоящие подарки... я тебе кое-что еще приготовил. Встретимся здесь, у крепости, в десять. Договорились?

– Договорились, – кивнула она.

Утром, едва открыв глаза, она подбежала к окну. Снег лежал ровным, нетронутым полотном. На душе пело. Она надела лучшее платье, повязала на шею нитку с шишкой и ягодами, затем накинула курточку и выскользнула из дома раньше родителей.

На крыльце, под слоем пушистого инея, лежал неровный камень. Что-то белело под ним. Простой конверт без марки.

На нем крупно было написано: «ЭРИКЕ».

Пальцы в тонких перчатках плохо слушались, когда она разрывала бумагу. Внутри – листок, вырванный из блокнота для рисования. Знакомый, корявый, любимый почерк.

«Эрика, меня внезапно забирают.

Сказали – срочно. Прости.

Я тебя никогда не забуду. Том».

Три строчки. Мир, который еще секунду назад был полон света и обещаний, рухнул, не оставив даже эха. Она не кричала. Девочка просто стояла, сжимая в руке бумажку, пока буквы не поплыли перед глазами от навернувшихся слез. Потом развернулась и побежала домой, в безопасность, к родителям, захлебываясь тихими, бессмысленными рыданиями. Амулет из шишки и ягод безжалостно врезался ей в кожу под платьем.

В тот день пахло мандаринами и еловыми ветками. В тот день должно было наступить Рождество. Но для Эрики оно так и не пришло. Его место навсегда заняла тихая, снежная пустота.

Эрика открыла глаза. Она сидела на подоконнике в своей тихой, взрослой квартире. За стеклом царил красивый, бездушный декабрь. В горле стоял комок – тот самый, с детства. Она сглотнула его, встала, поправила складки на свитере. Из кабинета доносился ровный стук клавиатуры. Марк работал. Все было на своих местах. Все было безопасно.

Она подошла к полке, взяла в руки фарфоровую чашку – подарок от Марка на прошлый день рождения. Изящную, дорогую, безупречную. И подумала о грубом ожерелье из шишки и ягод, которое лежало где-то на дне шкатулки, завернутое в ткань. Как два разных мира.

Остаться в одной из них было спокойно. Но в другой, быть может, все еще падал тот самый, липкий, волшебный снег. И крепость из него, хоть и разрушенная годами, все еще ждала своего защитника у невидимой черты между прошлым и настоящим.

Глава вторая

Ресторан «У камина» был тем местом, где время текло медленнее, подчиняясь не городскому ритму, а мягкому мерцанию свечей и тихому перезвону бокалов. Эрика ценила эту работу именно за эту отстраненность. Здесь она была не собой, а лишь отражением в темных панелях стен, профессиональным и легким движением, приносящим заказанное вино и уносящим пустые тарелки. Между столиками, тихими разговорами и запахами жареного на углях мяса можно было спрятаться. Можно было ничего не чувствовать.

За неделю до Рождества атмосфера в зале сгустилась. Смех звучал чаще, но как-то натужнее; взгляды гостей скользили по украшениям из сосновых веток и золотых шаров с видом одобрения, но без настоящей радости. Все торопились отпраздновать с коллегами, друзьями и поставить галочку. Эрика двигалась между столиками в своем строгом черном платье и фартуке с вышитым серебряным вензелем ресторана. Улыбка – ровно настолько, насколько того требовала вежливость. Мысли ее витали где-то между эскизами к дипломному проекту и списком продуктов, который нужно было купить Марку к их ужину.

Она несла поднос с кофе к столику у витрины, когда ее взгляд, скользнув мимо, вдруг зацепился и остановился как-то неосознанно. Сначала просто замерло дыхание, а потом

мир вокруг резко вышел из фокуса, словно кто-то крутанул объектив камеры не в том направлении.

У дальнего столика, у самого окна, за которым чернела зимняя ночь, сидел мужчина. Он смотрел в меню, профиль его был освещен теплым светом настольной лампы.

Рыжеватые волосы, теперь уложенные с небрежной аккуратностью, знакомый изгиб брови, линия скул... Время прибавило ему резкости, угловатости, убрало детскую мягкость, но фундамент остался тем же. Это был каркас ее детства, вдруг материализовавшийся в самом неподходящем месте. Том.

Он был одет в темный пиджак, кашемировый свитер под ним выглядел мягким и дорогим. Он что-то говорил своей спутнице, и уголок его рта дрогнул в полуулыбке. Эрика замерла с подносом в руках, чувствуя, как кровь отливает от лица, а затем приливает обратно, обжигая щеки. Сердце, предательски тяжело, ударило где-то у основания горла.

Девушка, сидевшая напротив, была ослепительна. Длинные волосы цвета пшеничного меда, идеальные черты, легкий, уверенный жест тонкой руки. Она походила на тех женщин, что смотрят с глянцевого обложки – недостижимых и безупречных. Они непринужденно общались. Очевидно, давно знакомы.

Ледяная волна прокатилась по спине Эрики, сменив первоначальный шок. Старая и закаменевшая обида кольнула ее под ребра острым осколком. Вот он. Живет. Улыбается.

Пришел сюда, в ее убежище, со своей прекрасной спутницей.

Инстинкт самосохранения сработал быстрее мыслей. Она резко развернулась и почти вплотную столкнулась с Энтони, своим коллегой.

– Энтони, – сдавленно проговорила девушка. – Прошу тебя, займи мой столик. Восьмой. У окна. Я... мне плохо.

Энтони, парень с добродушным лицом, мгновенно нахмурился.

– Эрика? Ты бледная как полотно. Иди в подсобку, присядь.

– Нет, нет, – она качнула головой, отводя взгляд от того столика. – Просто займи его, пожалуйста. На весь вечер. Я не могу. Это... личное.

В ее тоне было что-то, заставившее Энтони без лишних вопросов кивнуть и взять поднос из ее неподвижных рук.

– Иди. Я все сделаю.

Она отступила в тень за барной стойкой, прислонилась к прохладному дереву, стараясь дышать глубже. Через стойку она могла наблюдать, оставаясь невидимой. Видела, как Энтони подошел, улыбнулся и взял заказ. Видела, как Том поднял на него глаза, после чего кивнул. Его взгляд на миг скользнул по залу – искал кого-то? Или просто осматривался? Она отпрянула еще дальше, в полумрак.

Последующие полчаса стали для нее пыткой. Каждое его движение, каждый поворот головы отзывались внутри тихим гулом. Она делала вид, что занимается инвентаризацией по-

лок с вином, переставляла бокалы, мыла уже чистые столовые приборы, лишь бы не выходить на открытое пространство. Но стены, казалось, сдвигались. Воздух в ресторане, пропитанный ароматами пищи и дорогих духов, стал ее душить.

Когда терпеть стало невозможно, Эрика бесшумно проскользнула к служебному выходу. Холодный декабрьский воздух ударил в лицо, и она с жадностью вдохнула его. Здесь, в узком переулке, куда выходили только кухня и мусорные баки, было тихо и безлюдно. Стена кирпичного здания была шершавой и холодной под ладонью. Она прислонилась к ней, закрыла глаза, позволяя дрожи, сдерживаемой внутри, наконец вырваться наружу.

«Зачем? – стучало в висках. – Зачем он здесь? Зачем теперь?»

Потом она почувствовала легкое, едва уловимое прикосновение к щеке. Открыла глаза. С неба, из непроглядной черноты, начали падать первые снежинки. Они медленно кружились в свете одинокой лампы над дверью. Это зрелище, такое обычное, на мгновение успокоило ее. Она наблюдала, как хлопья тают на асфальте, оставляя темные звездочки. Как в детстве.

Она повернулась, чтобы взглянуть на конец переулка, где угадывался силуэт освещенной улицы. И застыла.

В двух шагах от нее, без пальто, в том же темном пиджаке, стоял Том.

Он смотрел на нее. Снежинки таяли в его волосах и на плечах. Его лицо было слишком серьезным и напряженным. В зеленых глазах мелькало что-то сложное – узнавание, волнение или неуверенность...

Время остановилось. Звуки города приглушились, осталось только тихое падение снега и стук собственного сердца в ушах. Она не могла пошевелиться и не могла издать ни звука.

Девушка просто смотрела на призрак из прошлого, который оказался не призраком, а живым человеком, стоящим так близко, что она могла бы дотронуться.

– Эрика? – произнес он наконец. Голос его стал ниже, но в интонации осталась та же, едва уловимая нотка, что звучала, когда он звал ее к своей снежной крепости.

Этот звук разбил оцепенение. Лед внутри треснул, и наружу хлынуло все: растерянность, гнев, боль, нелепая надежда. Она ощутила, как сжимаются кулаки в карманах тонкого рабочего жакета.

– Том, – выговорила она.

Он сделал шаг вперед, и она инстинктивно отступила, наткнувшись спиной на кирпич.

– Я... я не знал, что ты работаешь здесь, – растерянно начал он. – Я просто заглянул... Это место порекомендовали мне.

– Поздравляю, – ее собственный голос прозвучал как-то слишком монотонно. – Вы нашли место с отличной кухней.

Насчет обслуживания не уверена. Ваш официант сменился.
Он поморщился, словно от удара.

– Эрика, пожалуйста. Я увидел тебя мельком в зале. Сначала подумал, что показалось... Потом ты исчезла. Я вышел... подышать.

– А ваша спутница? – спросила она с какой-то язвительностью. – Не волнуйтесь за нее. Энтони – прекрасный официант. Умеет быть внимательным. В отличие от некоторых.

Он потряс головой, как бы отгоняя ее слова.

– Это не... Эрика, давай поговорим. Хотя бы пять минут.

– О чем? – она подняла подбородок. – О погоде? Или о том, как внезапно исчезают, не оставив ничего, кроме записочки под камнем? Эта тема уже немного устарела.

Боль промелькнула в его глазах, но она не позволила себе в это верить. Вера – это то, что однажды уже разбилось вдребезги.

– Ты не понимаешь... – начал он.

– И не хочу, – перебила она, отталкиваясь от стены. Холод проникал сквозь тонкую ткань, и она снова почувствовала дрожь, на этот раз от мороза. – У меня работа. А у вас – ужин. Не заставляйте даму ждать. Это невежливо.

Она бросила последний взгляд на его лицо – на эти взрослые, чужие и до боли знакомые черты – и двинулась к двери. Рука уже легла на холодную металлическую ручку.

– Эрика, – он произнес ее имя с такой силой, что она невольно замедлила шаг. – Это было несправедливо. С моей

стороны. Я знаю.

Она не обернулась.

— Поздно, Том, — прошептала она так тихо, что, возможно, он и не расслышал.

Она толкнула дверь и скрылась внутри, в теплый, насыщенный запахами и звуками мир, который вдруг показался ей не убежищем, а ловушкой. За ее спиной остался только тихий шелест снега и молчание человека, которого она когда-то считала своим самым верным рыцарем в бумажных доспехах.

Вернувшись за стойку, она машинально взяла салфетку и стала вытирать уже сухую поверхность. Взгляд ее сам потянулся к тому столику. Энтони ставил перед той девушкой десерт. Она улыбалась, что-то говорила Тому, который только что вернулся на свое место. Он кивнул в ответ, но его поза была скованной, а взгляд блуждал по залу. Потом он поднял глаза и встретился с взглядом Эрики через все расстояние.

Она первая отвела глаза. Взглянула на свою руку, сжимающую белую ткань. Суставы побелели. Она медленно разжала пальцы, положила салфетку и глубоко вдохнула. Потом подняла голову и пошла к другому столику, улыбаясь той самой профессиональной, ровно настолько вежливой улыбкой, за которой можно было скрыть все что угодно. Даже землетрясение, тихо сотрясающее фундамент ее аккуратно выстроенной жизни.

Глава третья

После встречи в переулке город для Эрики изменил свою топографию. Каждое общественное пространство – улица, сквер, холл университета – теперь таило в себе потенциальную точку столкновения. Она ловила себя на том, что скользит взглядом по толпе, выискивая рыжеватые волосы и знакомый поворот плеч, одновременно страшась и почти желая этого нового обнаружения. Это было похоже на состояние легкой лихорадки: мир казался ярче, но и неустойчивее.

Первое пересечение произошло в университетской библиотеке, в отделе редких изданий, куда Эрика поднялась за фолиантом по викторианскому орнаменту. Внезапно она услышала голоса – не на этаже, а доносящиеся снизу, из малого лекционного зала, чьи высокие окна были распахнуты для проветривания.

Голос был мужской, ровный, структурирующий пространство мысли с точностью архитектора.

«...и таким образом, разрыв в городской ткани – это не всегда патология. Иногда это шрам, хранящий память. Иногда – сознательный жест отрицания. Задача в том, чтобы прочесть этот разрыв, прежде чем пытаться его зашить...»

Эрика замерла с тяжелой книгой в руках. Она узнала не тембр, а интонацию, эту почти физическую ясность изложения, будто речь складывалась в видимые чертежи. Мед-

ленно, будто против воли, она подошла к резной балюстраде, огораживающей галерею, и заглянула вниз.

В полукруге амфитеатра, перед полусотней студентов, стоял Том. В очках в тонкой стальной оправе, которые он снял и начал жестикулировать ими, объясняя что-то на схеме, спроецированной на экран. «Приглашенный лектор. Современная архитектура и психология пространства», – гласила бегущая строка на информационном табло у входа. Он выглядел абсолютно на своем месте: сосредоточенный и увлеченный. Но такой чужой.

Эрика отступила в тень колонны. Случайность? Возможно. Но вероятность ее таяла, как узор на замерзшем стекле от дыхания. Его присутствие здесь, на ее факультете, ощущалось незванным вторжением в тщательно охраняемую территорию ее нынешней жизни. Она тихо покинула галерею, не дожидаясь конца лекции, чувствуя за спиной тяжесть его незримого внимания.

Второе столкновение было более обыденным, оттого – и более тревожным. В кофейне «Амур», куда она зашла перед сменой за своим неизменным двойным эспрессо. Он сидел за угловым столиком с ноутбуком, на экране которого светились сложные трехмерные модели. Увидев ее в дверях, он не изобразил удивления, лишь слегка приподнял голову. Их взгляды встретились на долю секунды. Он едва заметно кивнул, деловито, как коллеге. Она, застигнутая врасплох, машинально ответила тем же. Этот кивок стал их первым со-

знательным коммуникативным жестом за много лет. Он ничего не значил и значил все сразу.

Тем временем, Марк начал замечать перемены.

– Ты в последнее время сама не своя, – сказал он вечером, отложив телефон в сторону. Они ужинали при свете одной подвесной лампы, и тень от ее абажура делила его лицо пополам. – Все мысли где-то далеко. Сессия гнет?

– И сессия, и работа, – ответила она, ковыряя вилкой в салате. – Надо сдать эскизы, а в «Камине» предпраздничный ажиотаж. Устала просто.

– Может, все-таки давай куда-нибудь рванем? – в его голосе прозвучала настойчивая нота, ранее не свойственная ему. – Хоть на пару дней. Отключимся.

– Марк, я не хочу «рвать». Я хочу сидеть дома в тишине. Мы же договорились.

Он вздохнул и отодвинул тарелку.

– Договорились. Просто... кажется, тебе эта тишина не в радость в последнее время. Ты в ней словно затаиваешься, а не отдыхаешь.

Эрика взглянула на него. Он был проницателен, но видел не ту правду, которая ее терзала. И солгать ему сейчас, было бы легче всего. Но ложь застряла у нее в горле комом.

– Просто трудный период, – прошептала она. – Пройдет.

За неделю до Рождества ресторан был полон, воздух гудел от приглушенных разговоров, звенел хрусталем и пах доро-

гим кофе и хвоей. Эрика работала на автомате, но мысли витали в каком-то параллельном пространстве. И когда встревоженный Энтони шепнул ей: «Эрика, к тебе за столик сел тот... кто приходил в прошлый раз. Один», – она почувствовала не укол паники, а странное спокойствие.

Он сидел за ее столиком у дальней стены, изучая винное меню. Одет был просто – темный свитер, отсутствие пиджака делало его менее официальным.

Она подошла, прижав к груди блокнот для заказов.

– Добрый вечер. Вы готовы сделать заказ?

Голос прозвучал профессионально-бесстрастно.

– Добрый вечер. Да. – Том поднял на нее глаза. – Я возьму утиную грудку с грушей и бокал пино нуар. Спасибо.

Она записала, кивнула и уже собиралась уходить, развернувшись к нему спиной.

– Эрика.

Она остановилась, не оборачиваясь.

– Я не буду задерживать тебя. И не стану нарушать твой рабочий процесс. Но я не мог не прийти.

– Вы уже пришли, – сказала девушка, медленно поворачиваясь к нему. – И сделали заказ. Моя работа – его выполнить. Все остальное не входит в мои обязанности.

– Я понимаю, – он не стал спорить. – Просто хотел... увидеть тебя в нормальной обстановке.

– Это, – она сделала легкий жест рукой, указывая на зал, «нормальная обстановка» для меня шесть дней в неделю. Вы

здесь – гость. И я прошу вас оставаться в этой роли.

Он снова кивнул, приняв правила игры. Больше они не разговаривали. Она принесла ему вино, потом еду, меняла приборы, спрашивала, все ли в порядке. Он отвечал односложно и вежливо. Диалог сводился к служебным репликам, но напряжение между ними было осязаемым. Другие гости, атмосфера, даже само время – все отступило на второй план. Существовали только этот столик и этот поединок двух людей, разделенных годами и невысказанными словами.

Когда он закончил, она принесла счет. Он положил на него кредитную карту, а сверху – сложенный вдвое плотный листок бумаги.

– Прочитай. Пожалуйста, – сказал он тихо, но так, что слова прозвучали не как просьба, а как необходимость.

Он не стал ждать ее реакции. Взял карту, расписался в чеке и встал. На пороге обернулся, встретившись с ее долгим взглядом еще раз и вышел в холодную ночь.

Эрика стояла, сжимая в руке поднос, на котором лежал счет и этот белый квадратик. Она отнесла все на служебный стол у бара и, наконец, развернула записку.

Почерк был уверенным без лишних завитушек.

«Та девушка – моя сестра, Лила. Я привез ее, чтобы показать город, в котором прошло мое лучшее детство. Я искал тебя.»

Коротко. Просто три факта, выстроенные в колонку.

Эрика медленно опустилась на стоявший рядом барный

стул. Шум ресторана накрыл ее с головой, превратившись в монотонный гул. Она смотрела на эти строки, и тяжелый камень обиды, который она носила в груди столько лет, сдвинулся. Всего на миллиметр. Но этого хватило, чтобы в образовавшуюся трещину просочилось что-то другое – горькое понимание. Он искал и помнил все.

Это ничего не меняло, сказала она себе, сжимая записку в ладони. Не меняло боли тех лет, не отменяло ее страха перед праздником, не стирало выстроенной жизни с Марком. Это был всего лишь факт. Еще один кусочек мозаики, который, будучи поставлен на место, не делал картину целой, но менял ее смысл.

Она не выбросила бумажку. Аккуратно сложила ее и сунула в карман фартука, где она лежала рядом с ручками и чековой лентой. Работа продолжалась. Она улыбалась гостям, разносила заказы, но где-то внутри, под слоем автоматических действий, тихо звучали новые, тревожные вопросы: если он искал, то что именно надеялся найти? И что, черт возьми, теперь собиралась делать с этим знанием она?

Глава четвертая

София обладала тем редким даром – умением настаивать, не вызывая раздражения. Ее предложение прогуляться по Рождественской ярмарке в старом парке прозвучало так легко и естественно, что у Эрики не нашлось веских причин для отказа. В глубине души она подозревала подвох – за последние дни подруга слишком часто и будто бы невзначай упоминала имя Лилы, восхищаясь ее эрудицией и тонким чувством юмора.

Их знакомство было на редкость простым. София, вечно что-то забывающая, в панике искала в университетской библиотеке конспект по искусству Возрождения за день до зачёта. Она металась между стеллажами, роясь в стопках книг на общем столе, и её отчаяние, должно быть, было столь красноречивым, что привлекло внимание соседки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.